

Сулимов Станислав Игоревич, Арапов Александр Владиленович

РОЛЬ ЭЛИТЫ В ОБЩЕСТВЕ: АРИСТОКРАТ, БУРЖУА, СВЯЩЕННИК

Данная статья посвящена рассмотрению механизмов возникновения и функционирования политических и духовных элит, а также условий, приводящих к их краху. Авторы полагают, что различные типы элит вызываются к жизни и удаляются с исторической сцены комбинацией социально-экономических и духовных факторов. Например, буржуазия (и её более ранний вариант - купечество) процветает в централизованных государствах, при безопасных торговых путях. Аристократия же исторически востребована в условиях политической и экономической нестабильности. Духовная элита всегда меняется в условиях коллапса господствующей культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 175-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.34

Философские науки

Данная статья посвящена рассмотрению механизмов возникновения и функционирования политических и духовных элит, а также условий, приводящих к их краху. Авторы полагают, что различные типы элит вытекают к жизни и удаляются с исторической сцены комбинацией социально-экономических и духовных факторов. Например, буржуазия (и её более ранний вариант – купечество) процветает в централизованных государствах, при безопасных торговых путях. Аристократия же исторически востребована в условиях политической и экономической нестабильности. Духовная элита всегда меняется в условиях коллапса господствующей культуры.

Ключевые слова и фразы: элита; аристократия; торговое сословие; духовенство; дворянство.

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н.

*Воронежский государственный университет инженерных технологий
sta-sulimov@ya.ru*

Арапов Александр Владиленович, д. филос. н., доцент

*Воронежский государственный университет
arprv@mail.ru*

РОЛЬ ЭЛИТЫ В ОБЩЕСТВЕ: АРИСТОКРАТ, БУРЖУА, СВЯЩЕННИК[©]

В последние 20 лет Россия переживает переломный момент, не первый и, скорее всего, не последний в её длинной истории. Стремительно уходит в прошлое административно-командная система советской эпохи и связанные с нею представления об обществе как классовой диктатуре, направляемой партией господствующего класса. Всё чаще встаёт вопрос о необходимости определить новую элиту и раскрыть механизмы её функционирования, поскольку очевидно, что представители любого дифференцированного общества участвуют во властных отношениях неодинаково. Говоря о новой элите, многие публицисты печально констатируют, что «старые добрые» времена аристократии миновали, и в наши дни в России и Европе безраздельно властвуют представители торговых олигархий. Западные авторы склонны считать, что в современном, крайне изменчивом мире элиты находятся в кризисе и открывают дорогу к власти беспринципным проходивцам. Некоторые исследователи настаивают на необходимости вхождения во власть духовенства и едва ли не на установлении в развитых странах теократического правления [2, с. 59]. Но при этом остаются открытыми вопросы об определении элиты, механизмах её формирования и, что очень важно, исторических разновидностях элит. Невозможно рассуждать о кризисе или подъёме российской элиты, не уточнив, что же такое «элита вообще», как она возникает и в каких отношениях находится с остальной частью общества. В данной статье мы предложим своё видение данной проблемы.

В середине XX в. чехословацкий исследователь М. Нарта, опираясь на марксистское учение об обществе, полагал, что элита – это верхушка господствующего класса, которая наиболее полно осознает и выражает классовые интересы. Вот что он пишет об этом: «Буржуазия в капиталистических странах не правит как бы “издали” и не представляет собой какой-то “группы заговорщиков”. Она является экономически, политически и идеологически господствующим классом, который, хотя и утаивает от народных масс ряд своих решений или преподносит их в соответственно измененном виде, тем не менее осуществляет своё политическое господство посредством всех решающих составных частей политической системы» [5, с. 133]. Несостоятельность такого подхода не вызывает сомнений: ведь класс буржуазии (как и любой другой) существовал не всегда. Для того чтобы он мог господствовать в обществе, сначала этот класс должен был возникнуть. А это наряду с объективными экономическими и социальными предпосылками во многом зависит от личного фактора в истории. Как удачно заметил британский философ А. Дж. Тойнби, общество представляет собой широкое поле действия различных индивидов, но само источником действия не является [8, с. 45-46]. То есть в основе классовой политики лежат личностные свойства составляющих классы индивидов. И сначала действия индивида или группы индивидов создают класс, а только затем этот класс занимает в обществе господствующее или подчиненное положение.

Упомянутый нами А. Дж. Тойнби создал замечательную концепцию возникновения и функционирования элиты, которая стала важным фрагментом его учения о «Вызове и Ответе». Вот как британский исследователь описывает механизм властвования элиты над остальным обществом: «Подтягивание нетворческого большинства растущего общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперёд, на практике решается благодаря свободному мимесису – возвышенному свойству человеческой природы, которое скорее есть результат коллективного опыта, нежели вдохновения» [Там же, с. 269]. Мимесис – это подражание, вызванное восхищением. Иначе говоря, общество подражает своей элите и восхищается ею. Современный отечественный автор Л. Д. Гудков, говоря о важнейших чертах элиты, соглашается с британским философом: «Важнейший социологический признак элиты – её открытость, то есть публичный характер

оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность). А это означает систематическую связь элит со всеми другими социальными институтами, функционирующими независимо от власти и её механизмов [3, с. 27]. То есть власть элиты опирается на всеобщее признание и уважение. К примеру, власть грабителя, угрозами заставляющего человека отдавать свои вещи, не является элитарной, потому что не только не признана никем, кроме самого грабителя и его жертвы, но и противоречит общественным устоям. Но за что же широкие слои общества уважают элиту? Почему они хотят ей подражать? А. Дж. Тойнби полагает, что всё дело в компетентности. Элита – это творческие люди, которые знают или думают, что знают, как решить стоящие перед обществом проблемы. Каждый раз, когда природное или социальное окружение ставит перед обществом какую-то новую проблему, ещё не известную большинству людей, элита пытается принять своевременные меры. В случае успеха люди будут благодарны своим избавителям и выполняют их следующие указания беспрекословно. По этой же причине элита не только необязательно связана с органами управления (например, с бюрократическими структурами), но порой выступает их противником (если, например, выход из социального кризиса требует реформирования государственного аппарата). По мнению британского автора, очень созвучному позиции Л. Д. Гудкова, элита выполняет в обществе важнейшие функции целеполагания и интеграции, а внешние формы, в которых эти функции выполняются, зависят от социального спроса каждой конкретной эпохи [8, с. 264-267]. Следовательно, меняются историческая эпоха и связанные с нею социальные запросы – меняется и элита или, по крайней мере, трансформируется для решения новых проблем, встающих перед обществом.

Проверим эту теорию на эмпирическом материале. Для удобства возьмём такие элитные группы, как аристократия и буржуазия. Последний термин мы употребляем не в марксистском понимании данного феномена, а для обозначения торгового сословия, так как в наши дни название купечества выглядит устаревшим. О клире пока не говорим, потому что коснёмся этого вопроса подробно чуть позже, когда затронем проблему духовных элит.

На протяжении всего XX в. не прекращаются ностальгические воспоминания об аристократических временах. Это и британский историк Д. Фуллер, полагавший, что уход с политической арены джентльменов превратил политику в беспринципную игру различных клик [9, с. 520], и блистательный О. Шпенглер, утверждавший, что кризис аристократии приводит к кризису культуры [10, с. 556-595], и испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, считавший, что без аристократии общество – просто толпа и масса [6, с. 59-74]. Но при этом само определение аристократии неоднозначно. Британский историк Д. Ливен пишет: «Пожалуй, вернее всего охарактеризовать аристократию как исторически сложившийся, наследственно правящий класс: такое определение подходит к изучаемому сословию и в России, и в Германии, и в Англии» [4, с. 11]. Но ведь любой правящий класс гласно или негласно является наследственным! Даже советская партийная номенклатура, невзирая на все меры и запреты, во многом представляла собой сеть родственных групп. Даже бытовала шутка о том, что сын генерала никогда не будет маршалом потому, что у маршала есть свой сын. Если обратиться к купечеству, то выяснится, что *self-made man* в торговых кругах – редкость, а большинство успешных торговцев во все времена наследовали состояние и репутацию от родителей. Поэтому придётся найти какой-то универсальный критерий для того, чтобы отделить аристократию в дворянском, джентльменском понимании этого слова от патрициата, чиновничества или финансовой олигархии. Если мы акцентируем внимание на каком-нибудь поведенческом или социальном аспекте аристократов, то окажется, что во всех странах от Англии до Японии это землевладельцы, которым претит городской ритм жизни, которые очень щепетильны в вопросах чести и ставят на первое место в списке духовных качеств мужество. Почему так? Польский исследователь М. Оссовская отмечает, что социально-экономической причиной, породившей такую аристократию, были война и безвластие: «Феодалная аристократия возникла из войны и для войны; вполне естественно, что храбрость она ставила на первое место» [7, с. 169]. Неслучайно европейское рыцарство складывается в эпоху тёмных веков, когда различные германские народы сражались друг с другом, с мусульманами и с кочевниками на руинах Западной Римской империи; в те годы умение владеть мечом и сидеть в седле добавляло человеку авторитета больше, чем диплом о любом образовании. А поскольку производство тех времён находилось в упадочном состоянии, то единственной адекватной платой за участие в сражениях могли быть не деньги (в условиях натурального хозяйства от них мало проку), а земля с обрабатывающими её крестьянами. В аналогичных условиях сформировалось московское дворянство, так как московским князьями приходилось постоянно воевать как с удельными соседями, так и с татарами, и, разумеется, в отсутствие морской торговли великие князья не имели иного ресурса, кроме земли, для уплаты своим всадникам. Даже японские дворяне, самураи, оформились как сословие только в годы войны Гэмтэй (1180-1185 гг.), когда гражданская власть, возглавляемая императором, оказалась оттеснена на задний план полководцами соперничающих знатных семейств. М. Оссовская настаивает на существовании воинской аристократии и в Древней Греции (по Аристотелевой терминологии, античные дворяне назывались по праву гордые) [Там же, с. 42].

Какие же социальные, психологические и экономические черты присущи аристократии как элите? Во-первых, это независимое поведение, которое возможно только для человека, экономически самостоятельного. У аристократии материальным фундаментом гордости и надменности была земельная собственность, на которой трудились крепостные или арендаторы. Принесение феодалной присяги было возможно только на добровольных началах, потому что экономически дворянин (рыцарь, самурай, боярин) был автономен, а силовое давление затруднялось наличием укрепленного замка, верной дружины и, что главное, его готовностью к вооруженному противостоянию. Во-вторых, аристократ всегда смельчак и физически крепкий

человек. Иначе он просто не сможет защитить свою независимость от силовых посягательств. В-третьих, аристократ учтив, потому что только обходительностью и вежливостью можно избежать конфликтов с такими же, как сам, мнительными и гордыми воинами, готовыми обнажить клинки при малейшем признаке неуважения. В социальной жизни такой отчасти надменный, отважный человек выполнял важнейшую функцию поддержания порядка и защиты тех, кто не мог сам за себя постоять. В отсутствии прочной государственной власти и часто лишь при номинальном королевском правлении крестьянам и ремесленникам требовались защитники, которые были бы рядом и которые не бросили бы их в решающий момент. Дворянин осуществлял на подвластных ему территориях высшую военную, гражданскую и судебную власть, но в случае вражеского нападения без всяких колебаний встречал врага на поле боя или прятал крестьян в своём замке. Из такой социальной функции аристократии вытекает её важнейшая особенность: умение держать данное кому-либо слово. Крестьяне и король должны были точно знать, что на сеньора, пообещавшего им защиту или принесшего присягу, можно положиться. По этой же причине дворянин от Англии до Японии не работал за деньги: продажный воин, служащий тем, кто больше заплатит, презирался всеми. Во Франции их называли «рутьеры», в Италии – «кондотьеры», в Германии – «ландскнехты»; и везде общественное мнение приравнивало наёмников едва ли не к животным. Являясь господствующей социальной группой средневекового общества, аристократия должна была выразить себя в целеполагании, что и произошло. Нормандские саги, французские «жесты», баллады немецких миннезингеров содержат обилие рыцарских идеалов, самые важные из которых – бескорыстная защита слабых и беззаветная любовь к даме сердца. Культовые герои аристократической элиты – граф Роланд, сэр Ланселот, рыцарь Святого Грааля Лоэнгрин и т.д.

Но возникает вопрос: как вышло, что аристократия где-то раньше, где-то позже уступила господствующее положение буржуазии и чиновничеству? По мнению британского историка Д. Ливена, в Европе совпали три негативных для аристократии фактора: философия Просвещения, звавшая людей перестраивать общество; промышленная революция, усложнившая общество за счёт роста буржуазии и появления рабочего класса; дифференциация управления. К середине XVII в. аристократические страны (исключая Японию) уже были централизованы, их монархи нуждались в офицерах для регулярной армии и чиновниках для разветвленной административной службы, и воинам-ремесленникам уже не было места в этой системе. Королевский судья не желал делить свои полномочия с помещиком, а огнестрельное оружие быстро убрало рыцарскую конницу с полей сражений. Это не значит, что феодальная аристократия в один миг исчезла. Многие дворянские семейства Англии, Германии и России вели очень обеспеченный образ жизни за счёт земельной ренты на протяжении всего XIX в. и начала XX в. Однако богатая жизнь и элитное положение в обществе – не одно и то же. Д. Ливен так описывает быт знатных, богатых семейств Лондона и Петербурга во второй половине XIX в.: «В своих фешенебельных жилищах аристократы ели, пили и флиртовали. Они посещали оперу и драматический театр, а иногда развлекались постановками любительских спектаклей. Не пренебрегали и чтением, но большую часть времени посвящали игре в карты, визитам и, прежде всего, сплетням» [4, с. 182]. Конечно, были и дворяне-офицеры, и дворяне-чиновники, но профессиональная деятельность быстро заставляла их расстаться с аристократическими привычками. Бывали и обратные случаи, когда преуспевающие чиновники, офицеры и откупщики производились в дворянское достоинство, но очень понимая, что это значит. В королевской Франции даже сложилась прослойка «дворян мантии», не имевших к феодальной аристократии никакого отношения.

Но кто же перехватил у аристократов власть, и в силу каких обстоятельств это стало возможным? Речь идёт именно о торговом сословии, которое можно условно назвать буржуазией. Принято считать, что тип новоевропейского предпринимателя, именуемый этим термином, возник в эпоху Реформации, а его духовным стержнем является протестантизм. В узком смысле слова так и есть, но ведь само слово «буржуазия» означает всего лишь «горожане» или даже «жители города Бурж». Не будет преувеличением сказать, что торговое сословие существовало всегда, но претендовать на главенство в обществе, на целеполагающую функцию и интеграцию социума вокруг своих идеалов оно может лишь в конкретных исторических условиях. И в Западной Европе эти условия сложились не в XVI в. и даже не в эпоху Возрождения, а гораздо раньше. Французский историк Д. Бартеlemi описывает конфликты рыцарей с молодой буржуазией уже в XII в. Он определяет буржуазию следующим образом: «Под ней мы понимаем новую элиту, которую во многих ситуациях можно отличить от рыцарства, равно как от городского простонародья и тем более от сельских жителей, – это деловые люди, для которых основным источником богатства была коммерция, даже если они вкладывали капитал и в земельную собственность, начиная с виноградников» [1, с. 304]. Для обеспечения торговли буржуазия стремилась обеспечить мир на дорогах, что заставляло её идти на переговоры с феодалами, и разорить конкурентов, а в идеале совсем ликвидировать их, что заставляло её обращаться к нерыцарским формированиям (аристократы не сражались за деньги). Там, где буржуазия могла обеспечить себе эти факторы процветания, она превратилась в элиту ещё в расцвет Средневековья. Например, в торговых городах северной Италии, особенно в Венеции и Генуе, дворянская аристократия попросту не сложилась. Олигархия торговых семейств не только управляла этими коммунами, но и вмешивалась в дела немецкой и французской аристократии посредством банковских услуг. Для защиты своих торговых интересов буржуазия использовала наёмников, а однажды даже смогла поставить себе на службу весь цвет западного рыцарства (IV крестовый поход). Форма правления могла различаться: в Венеции была республика, а во Флоренции – монархия, однако реальная власть всегда принадлежала преуспевающим торговым семействам. Неслучайно герцог Тосканский всегда был ставленником той или иной купеческой фракции, хотя формально династия Медичи не прерывалась. Социальный спрос торговых городских коммун не нуждался в рыцарях, он был направлен на ловких торговцев,

и поэтому в Северной Италии возникла именно такая элита. Во Франции или Германии, где не прекращались феодальные столкновения, буржуазия долгое время была вынуждена сотрудничать, а не бороться с аристократией, а затем, в более спокойную эпоху, выступила сторонницей королевского абсолютизма. Ведь один монарх защищает торговые интересы предпринимателей лучше, чем десяток враждующих между собой герцогов и графов. Английское дворянство, тесно сросшееся с буржуазией, смогло даже обойтись без королевской опеки, наглядно показав это венценосцу во время революции 1640-1642 гг. В России буржуазия долго не складывалась в силу специфики исторического развития (постоянные войны, широкое распространение поместного землевладения, казачья колонизация Сибири, медленный рост городов). В США же никогда не было аристократии (плантаторы-южане не в счёт), а король с его армией и чиновниками всегда оставался за океаном. Как только колониальная буржуазия достаточно окрепла, чтобы самостоятельно вести дела, как сразу же порвала с метрополией. Чуть позже то же самое произошло в Латинской Америке.

Можно сколько угодно спорить о том, какая из элит лучше: аристократия или буржуазия? Но этот вопрос изначально поставлен некорректно. Важно учитывать особенности исторической обстановки на данном этапе развития конкретного общества. Например, рыцари в средневековой Венеции выглядели бы нелепо, потому что в их услугах местные жители не нуждались. И купец Марко Поло сделал для своей коммуны гораздо больше, чем самый отважный крестоносец. А вот в милитаристской Пруссии, постоянно готовящейся к войне за объединение Германии, или пребывающей в добровольной изоляции Японии буржуазия оказывалась просто лишней, потому что для успешной торговли здесь не было предпосылок. Кстати, как только они появились (новообразованный Второй Рейх обзавёлся колониями или Страна Восходящего Солнца отказалась от изоляции), так сразу же получили развитие и национальные торговые круги. Например, в аристократических, военизированных странах как будто сами собой расцвели такие известные фирмы как , Мицубиси́ или , БМВ́. Во Вторую мировую войну аристократы Германии и Японии почти никак не влияли на политику. Например, во главе одной из групп армий вермахта стоял дворянин Эрих фон Манштейн, но правил Третьим Рейхом самый настоящий *self-made man* Гитлер. Японским флотом командовал представитель старинного самурайского рода Исороку Ямамото, но сражался он за коммерческие интересы , Мицубиси́. В то же самое время можно сказать, что коллапс государственного аппарата с неизбежностью вызывает к жизни феодальных властителей с их вековой готовностью лично сражаться за малейшее оскорбление и защищать на своей территории слабых бесплатно. Ведь и средневековое рыцарство возникло и существовало много сотен лет не на диких территориях Северной Европы, а в самом сердце погибшей античной цивилизации: в бывших римских провинциях Галлии (Франции), Британии, Кельтиберии (Испании) и Южной Германии. В II в. н.э. там не было никакой военной аристократии или феодальных сеньоров. Все правовые вопросы разбирал подчиненный центральной власти магистрат, а на страже безопасности стояли регулярные войска (наемные легионы). В XII в. же королевские чиновники, по крайней мере там, где они всё же были, даже не пытались противоречить воле аристократов. И надежда городских торговцев на центральное правительство выглядела настолько иллюзорной, что её даже никто не питал.

Возникает закономерный вопрос: неужели интеграция общества и целенаправленное находятся в руках лишь одной из двух рассмотренных нами групп? Неужели общество в любых исторических условиях выбирает между мечом аристократии или кошельком буржуазии по принципу , что эффективнее решит проблемы в данный момент? Некоторые мыслители полагают, что дело обстоит именно так. Например, представитель аристократической немецкой культуры О. Шпенглер прямо пишет: , Мы – это рыцарство, как в египетскую феодальную эпоху 2700 года, так и в индийскую или китайскую 1200 года. Герои Гомера – это данайцы. Норманнские бароны – это Англия́ [10, с. 212]. С этим утверждением мы не согласимся. Оно звучало бы правдоподобно, если бы на жизнь общества не оказывали бы влияния идеи. Предприимчивый буржуа или отважный рыцарь хорошо подготовлены к выполнению своей социальной функции, но без новых идеалов, без образов желаемого будущего история шла бы по кругу. На развалинах замков разбивались бы рынки, которые затем снижали бы темп торговли и снова опоясывались частоколами и каменными стенами, а затем снова бизнес вытеснял бы воинскую доблесть и т.д. Но это ведь не так. Рассматривая аристократию и буржуазию, мы совсем забыли о таком важном в жизни любой страны сословии, как духовенство. Духовная элита общества не менее важна, чем элита политическая. При этом она вовсе не обязательно позиционирует себя как клир той или иной религии, хотя может принимать и такую форму.

По авторитетному мнению А. Дж. Тойнби, в жизни каждого общества наступает момент, когда материальные проблемы уже практически решены политическими и экономическими средствами [8, с. 249-258]. Именно тогда на первый план выходят проблемы духовные, от решения которых зависит и целостность общества, и дальнейшее направление его развития. И аристократ, и торговец здесь бессильны, потому что сами являются носителями той или иной духовной (религиозно-философской) доктрины. В такие исторические моменты начинается борьба идей, в которой применяется не оружие, а теоретические аргументы. Именно здесь востребованы такие игнорируемые рыцарями и буржуа качества, как святость, мудрость и вдумчивость. От священника или философа никто не ждёт, что он поведёт в бой армию или наживёт богатое состояние, но он обязан объяснить своим слушателям, *ради чего* армии ходят в бой или лежит золото в сундуках. В случае господства той или иной идеи в духовной жизни общества её проявления заметны и в социально-политической истории. Например, монашеские и духовно-рыцарские ордена – социальное проявление католического христианства, которое некогда оказывало на общество настолько сильное влияние, что даже придавало ему форму. Точно так же средневековый католический рыцарь отличается от своего языческого

, коллегий, самурая, так же, как отличается католицизм от синтоистского бусидо. Социальная функция обоих аристократов одна, но верили они в разное, и поэтому в их материальной жизни тоже нет полного тождества.

Закономерен вопрос: как выглядит борьба между несколькими общностями, каждая из которых претендует на положение духовной элиты, но при этом их идеи непримиримы друг с другом? Такие прецеденты история знает. Например, в начале н.э. на ареале античной цивилизации вступили между собой в борьбу эллинистическая философия, оккультизм и апостольское христианство. Если исключить , неджентльменские выходки римского жречества, требующего физической расправы с христианами, то борьба эта носила форму диспута. Главной её целью было не уничтожение оппонента, а убеждение его в правоте или неправоте. Типичное такое , поле битвы – выступление апостола Павла в афинском ареопаге; яркая духовная победа – добровольное обращение в христианство известного античного мистика и чернокнижника Киприана Карфагенского (III в. н.э.). И ни гонения языческих властей, ни даже мечи римских легионов не могли не только заставить спорящих молчать, но даже хоть на год приглушить спор.

Если же мы ничего не знаем о подобной борьбе зарождающейся философии с греческой языческой религиозностью, то только потому, что античность не имела организованного клира, который мог бы составить об этом летопись (спустя века первые христиане этой возможностью не пренебрегали). Точно так же в XIX в. в России шла духовная борьба атеистической и демократически настроенной интеллигенции с Православной Церковью, увы, социально мощной, а духовно ослабленной за счёт своего официального положения. К сожалению, подробное рассмотрение борьбы идей выходит за рамки рассматриваемой нами темы.

Итак, мы рассмотрели такие типы политических элит как аристократия и буржуазия (торговое сословие), а также обозначили духовную элиту, которая в любом обществе так же необходима, как и политическая. Мы установили, что любая элитная общность вызывается к жизни социальными и природными проблемами, затрагивающими всё общество, и её власть укрепляется благодаря её компетентности. До тех пор, пока элита справляется с прежними и новыми проблемами, её положение в обществе незыблемо. В случае же провала или ошибки никакие силовые или пропагандистские меры не помогут элите сохранить руководящее положение. При этом такие ошибки часто связаны не с некомпетентностью конкретного аристократа, священника или торговца, а с изменением характера решаемых проблем. Именно поэтому в современном глобальном мире, стержнем которого является рыночная экономика, тосковать об аристократии просто глупо. Рыцарь, самурай или дворянин просто не найдут в современной жизни для себя применения. А вот венецианский купец, фламандский буржуа и ломбардский ростовщик почувствуют себя в современном мире, как дома. Остаётся нерешенным вопрос, какая духовная элита подходит или могла бы подойти современному миру? Но это уже тема для другого исследования.

Список литературы

1. **Бартелими Д.** Рыцарство. От древней Германии до Франции XII в. СПб.: Евразия, 2012. 584 с.
2. **Володихин Д.** Условие sine qua non... цивилизация и традиция // Традиция и русская цивилизация. М.: Астрель, 2006. С. 7-62.
3. **Гудков Л. Д.** Проблема , элиты в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд , Либеральная миссия, 2007. 372 с.
4. **Ливен Д.** Аристократия в Европе. 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
5. **Нарга М.** Теория элит и политика. М.: Прогресс, 1978. 323 с.
6. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
7. **Оссовская М.** Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
8. **Тойнби А. Дж.** Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
9. **Фуллер Д.** Вторая мировая война. Смоленск: Русич, 2004. 544 с.
10. **Шпенглер О.** Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. Мн.: Попурри, 2009. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. 704 с.

ROLE OF ELITE IN SOCIETY: ARISTOCRAT, BOURGEOIS, PRIEST

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Voronezh State University of Engineering Technology
sta-sulimov@ya.ru

Arapov Aleksandr Vladilenovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University
arpv@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the mechanisms of the origin and functioning of political and religious elites, as well as conditions that lead to their collapse. The authors suppose that different types of elites are brought to life and removed from historical scene by the combination of socio-economic and spiritual factors. For example, the bourgeoisie (and its earlier version – merchant class) thrives in centralized states with safe trade routes. The aristocracy is historically claimed in the conditions of political and economic instability. Spiritual elite always changes in terms of the collapse of the dominant culture.

Key words and phrases: elite; aristocracy; tradespeople; clergy; nobility.